

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

СТОЛКНОВЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В РЕГИОНЕ КРАСНОГО МОРЯ

Сергей Александрович Иванов

Российский институт стратегических исследований (РИСИ),
Москва, Россия

Елена Михайловна Савичева

Российский университет дружбы народов (РУДН),
Москва, Россия

Валерий Павлович Титов

Независимый исследователь,
Москва, Россия

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 25 сентября 2020 <i>Отправлено на редактирование:</i> 22 марта 2021 <i>Принята к печати:</i> 15 мая 2021	Аннотация: Ареал, включающий в себя водные просторы Красного моря и Аденского залива, по которым прокладывали курс еще древние мореплаватели, а также сухопутные пространства Северо-Восточной Африки (Африканский Рог и сопредельные территории), стремительно превращается в важный в геополитическом плане регион. Речь идет об обеспечении свободного доступа в Красное море и, следовательно, к Суэцкому каналу, что значительно сокращает маршрут и уменьшает время доставки грузов (в том числе энергоносителей), облегчает и удешевляет товарообмен между странами Европы и Азии. Однако столь важный в стратегическом плане регион оказывается крайне нестабильным и турбулентным. Судоходство здесь осуществляется, отчасти, по нескольким узким проливам, получившим в экспертной среде наименование «удушающих» и «шоковых точек» современной геополитики. Четко обозначилась тенденция к усилению соперничества в этом некогда «сонном» регионе: такие арабские страны, как Египет, Саудовская Аравия, ОАЭ, стремятся обеспечить здесь свои интересы в конкуренции с другими ближневосточными «тяжеловесами» – Турцией и Ираном, и к указанным последними неарабским акторам с недавних пор примыкает Катар. Ускорившаяся динамика событий приводит к изменениям в балансе сил, что не остается без внимания внерегиональных держав – Китая, США и других, включая, конечно же, и Россию. В представленной статье ставится задача осмыслить сложившиеся политические реалии в рассматриваемом регионе, выявить военно-политические и торгово-экономические факторы, детерминирующие геостратегическую важность акватории Красного моря и прилегающих к нему территорий, определить особенности отношений между странами региона, а также их взаимодействие с внерегиональными игроками.
Об авторах: <i>С.А. Иванов</i>, к.и.н., ведущий научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований (РИСИ) e-mail: sergey.ivanov@riss.ru <i>Е.М. Савичева</i>, к.и.н., доцент Российского университета дружбы народов (РУДН) e-mail: savicheva@mail.ru <i>Титов В.П.</i>, к.и.н., независимый исследователь e-mail: titovvp@mail.ru	
Ключевые слова: Красное море; Суэцкий канал; Африканский Рог; геополитические интересы; соперничество; конфликты; безопасность	<i>Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 на тему «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века»</i>

Географические константы и геополитические реалии: синергия воздействия на мировую политику

Практически каждая историческая эпоха отмечена появлением у ведущих мировых держав новых, учитывающих меняющийся баланс сил теорий и концепций, на основе которых создавались механизмы завоевания и удержания господства в тех или иных регионах, а в более масштабном плане – конструировались рычаги управления мировыми процессами¹. Особое место в геополитических расчетах традиционно отводилось военно-морской силе и контролю над международными морскими магистралями. Американский военно-морской историк и геополитик Альфред Тайер Мэхэн, к примеру, указывал на важность достижения превосходства на морских просторах ради обретения статуса великой державы². В частности, он полагал, что ключевой зоной в мировой политике и в борьбе за мировое господство является «северная континентальная полусфера», южная граница которой обозначается Суэцким и Панамским каналами, и это – рубеж наибольшей интенсивности мировой торговли и политической активности.

Схожих взглядов придерживался Карл Хаусхофер, немецкий политический деятель и ученый, основоположник германской школы геополитики, который утверждал, что одним из устремлений любой великой державы является достижение всеобъемлющего контроля над геостратегическими зонами. В качестве примера он ссылаясь на зоны тех же Суэцкого и Панамского каналов, контроль над которыми во многом обеспечил реализацию геополитических целей колониальных государств³.

В новейших разработках, относящихся к теории международных отношений, за последнее время чаще стало фигурировать понятие «регионализм»⁴. В этой связи можно согласиться с мнением отечественного политолога А.Б. Каримовой: «Объемы, которые занимают региональные отношения в международном переговорном процессе и стратегической деятельности, доказывают, что регион стал частью одной из сложнейших проблем теории и практики межгосударственных отношений – становления нового международного порядка, определившись как цель и средство стратегии доминирования»⁵.

Действительно, региональные пространства, по выражению цитируемого автора, сделались неотъемлемым фактом международной среды. Притом некоторые ограниченные определенными географическими рамками ареалы лишь относительно недавно стали восприниматься именно в отдельном регионально-стратегическом контексте, а до того считались скорее как промежуточные (чаще водные и весьма обширные) пространства между другими – однако такими, что уже бесспорно рассматривались в качестве самостоятельных регионов.

О geopolitike: Raboty raznykh let (On Geopolitics: Works of Different Years). Moscow: Thought, 2001.]

¹ Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*, 1904, No. 4 (April), Vol. XXIII, pp. 421-437.

² Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783 (перевод с англ.яз.). М., 2002. С. 600. [Mahan, A.T. Vliyaniye morskoy sily na istoriyu, 1660-1783 (The Influence of Sea Power on History, 1660-1783) (translated from English). Moscow, 2002. P. 600.]

³ Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. [Haushofer, K.

⁴ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // *Сравнительная политика*. 2012. № 3. С. 30-58. [Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations) // *Comparative Politics Russia*, 2012, No. 3, pp. 30-58.]; Mattheis, Frank; Raineri, Luca; Russo, Alessandra. Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Palgrave Macmillan, 2019.

⁵ Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлантизм // *Сравнительная политика*. 2019. Т.10. № 2. С. 37. [Karimova, A.B. Indotikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific Post-Atlanticism) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, p. 37.]

Отметим рост числа акторов, играющих (или стремящихся сыграть) на этом уровне активную роль – и это не только мировые или региональные державы, но с некоторых пор и отдельные местные режимы с отчетливо выраженными амбициями. Например, в видении Зака Вертина, исследователя Программы по внешней политике Брукингского Института, «ОАЭ не выдвигают прямых претензий на «место за столом» форума Красного моря, но на деле являются одним из самых активных политических, военных и экономических игроков в регионе Красного моря»⁶.

К сожалению, в последнее время сфера безопасности оказалась под растущим давлением конфронтационных процессов, развивающихся в регионе Красного моря и по соседству с ним. Острейший трансрегиональный конфликт между США и Ираном служит тому ярким примером и наглядной иллюстрацией.

Специфика геополитической ситуации в акватории Красного моря с прилегающим сегментом Индийского океана определяется целым комплексом факторов – геостратегических, военно-политических, торгово-финансовых. Акватория Красного моря – это сравнительно узкое водное пространство – которое, всего около 300 км в самом широком месте, простирается в длину на 2,25 тыс. км от Синайского полуострова до Аденского залива и соединяет Средиземноморье (Атлантический бассейн) с просторами Индийского океана. В настоящее время через Красное море перемещается около 1/5 объема всей мировой торговли. До недавнего времени здесь ежегодно проходило около 20000 судов во встречных направлениях – из Красного моря в Средиземное и/или обратно – через Суэцкий канал к Индийскому океану. После завершившейся в 2015 г. модернизации канала данный показатель, согласно официальной египетской статистике, увеличился до 70000 судов в 2018-19 финансовом году, а грузопоток к тому моменту

поднялся до 4 млрд тонн⁷. Через эту важнейшую артерию мировой экономики осуществляются поставки энергоресурсов и других крупнейших грузовых объемов⁸.

Долговременная эксплуатация Суэцкого канала существенно увеличила коммуникационные возможности и связи Европы с Ближневосточным регионом, а также вывела на качественно новый уровень контакты Европы с Восточной Африкой, Южной и Юго-Восточной Азией и Австралией. Так, водный путь между Западной Европой и Индией сократился почти на 8000 км; расстояние от Нью-Йорка до портов Ирака при следовании через канал, а не вокруг Африки, уменьшилось более чем в два раза, а от Одессы до Бомбея – почти в три. Вполне естественно, что это создало принципиально новую геополитическую ситуацию на стыке Европы, Азии и Африки, одним из следствий которой стало усиление позиций Египта, а одновременно с этим – и обострившееся соперничество между ведущими державами за контроль над побережьем Красного моря и Индийского океана⁹. С активизацией нефте- и газодобычи на Ближнем и Среднем Востоке стратегическое значение Суэцкого канала еще более возросло, притом очень значительно. Он не раз оказывался в эпицентре арабо-израильских войн, из-за него разгорались серьезные международные конфликты.

На восточном берегу Красного моря простираются территории Королевства Саудовская Аравия (КА) и Йемена, а на западном

⁶ Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center Analysis Paper Number 27, November 2019. P. 28.

⁷ Celebrating the 4th Anniversary of the New Suez Canal Inauguration. August 6, 2019 / Suez Canal Authority. Mode of access: https://www.suezcanal.gov.eg/English/MediaCenter/News/Pages/sca_06-08-2019.aspx

⁸ Jones, B. To Rule the Waves: How Control of the World's Oceans Determines the Fate of the Superpower. N. Y.-L., Scribner, 2021.

⁹ Савичева Е.М., Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2014. № 2. С. 75-84. [Savicheva, E.M.; Turekulova, Zh.E.; Rol' Suetskogo kanala v kontekste obespecheniia regional'noi bezopasnosti na Blizhnem Vostoke (The Role of the Suez Canal in the Context of Regional Security in the Middle East) // Vestnik RUDN. Seriya: mezhdunarodnye otnosheniia, 2014, No. 2, pp. 75-84.]

расположены Египет, Судан, Эритрея, Джибути и Сомали. До 1991 г. Эритрея являлась частью Эфиопии, обособившись затем в качестве суверенного государства; однако и по сей день действия Аддис-Абебы, почти 30 лет назад лишившейся выхода к морю, оказывают заметное воздействие на геополитику региона. По аналогии, Южный Судан, являвшийся частью Республики Судан до 2011 г., также включается в рассматриваемый ареал, несмотря на отсутствие у этого новообразованного государства морского побережья.

Важно отметить, что в регионе Красного моря наблюдается формирование принципиально важной ситуации, когда многосторонние нормы, принципы и институты, применяемые в Африке за последние десятилетия, вступают во все более острое противоречие с проводимой монархиями Персидского залива транзакционной практикой вливания денежных средств и проецирования силы¹⁰.

Интересен экспертный прогноз Джорджа Фридмана, авторитетного американского специалиста в области международных отношений, который содержится в аналитическом труде по проблематике рассматриваемого региона. В его интерпретации, Красное море имеет несколько «удушающих (шоковых) точек». На севере находится Суэцкий канал, блокировка которого может серьезно нарушить торговлю между Азией и Европой. В период 1967-1975 гг., когда движение по каналу из-за неурегулированности арабо-израильского конфликта оказалось прервано, стоимость трансконтинентальных морских перевозок, например, для Великобритании возросла настолько резко, что в 1967 г. Лондон был вынужден девальвировать свою валюту примерно на 14%. Это, по убеждению автора, будто бы стало одним из решающих факторов, приведших к краху Бреттон-Вудской системы¹¹.

В устье залива Акаба находятся два небольших безлюдных острова – Тиран и Санафир (в середине 2017 г. Египет «уступил» их Саудовской Аравии), которые теоретически могут быть использованы для блокировки доступа Израиля и Иордании к Красному морю. Израиль располагает другим и гораздо более протяженным берегом на Средиземноморье, а вот для Иордании менее чем 30-ти километровая полоса красноморского побережья (г. Акаба) дает единственную возможность выхода на просторы океана. В свое время именно события в Тиранском проливе, образованном этими двумя островками, послужили триггером для арабо-израильской войны 1967 г., известной как «шестидневная война». Египет тогда заблокировал проливы, перекрыв проход, через который Израиль получал 90% поступающей в страну нефти. Спустя месяц, в июне 1967 г., египетская и сирийская армии были наголову разгромлены израильтянами.

Значение Тиранского пролива, по мнению ряда аналитиков, получает совершенно новое измерение в свете планов КСА развернуть здесь строительство гигантского и суперсовременного города-курорта Неом (Neom). Саудовский проект «умного и трансграничного» туристического города-кластера предполагается реализовать в провинции Табук на крайнем северо-западе королевства. В проекте задействована также обширная акватория Красного моря у египетской и иорданской границ. Общая направленность замысла заключается в позиционировании Саудовской Аравии как передовой страны XXI столетия, которая призвана стать моделью и примером для других.

О плане создания города впервые объявил наследный принц Мухаммед ибн Салман на конференции в Эр-Рияде «Инвестиционная инициатива будущего» 24 октября 2017 года¹². Он заявил, что планируемый город будет работать независимо от «существующей государственной систе-

¹⁰ См., например, подробнее: Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center. Analysis Paper Number 27, November 2019. P. 29-30; Kaplan, R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y., Random House, 2010.

¹¹ Freedman, George. Deep Dive. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/red-sea-alliances-shift-tide>

¹² Saudi Arabia Just Announced Plans to Build a Mega City That Will Cost \$500 Billion / Bloomberg. 2017. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-10-24/saudi-arabia-to-build-new-mega-city-on-country-s-north-coast>

мы», с собственным налоговым и трудовым законодательством и автономной судебной системой. А годом ранее, в ходе встречи короля Салмана ибн Абдул-Азиз Аль Сауд с президентом АРЕ Абдель Фаттахом ас-Сиси (8 апреля 2016 г.) был анонсирован проект строительства многокилометрового моста для соединения будущего саудовского чудогорода с египетским южным Синаем¹³.

Инициатива по сооружению Неома служит составной частью сверхмасштабной программы «Видение Саудовской Аравии 2030», ориентированной на сокращение зависимости от нефти, переход к высоким технологиям и постнефтяной эпохе, диверсификацию её экономики и развитие сектора государственных услуг¹⁴.

Клаус Кляйнфельд, именитый стратегический менеджер из Германии и бывший президент и генеральный директор Siemens AG, был заранее определен руководить развитием будущего «города мечты». Как предполагается, в «городе мечты» роботам отойдут такие функции, как сфера безопасности, логистика, ритейлерская доставка и домашняя уборка, а сам город должен подпитываться исключительно ветровой и солнечной энергией. Поскольку всё будет проектироваться и строиться с нуля, то вполне возможны и другие инновации. Планирование и строительство предполагалось начать при стартовом бюджете размером 500 млрд долл. США, выделяемых Саудовским государственным инвестиционным фондом, и при участии внешних инвесторов. Первый этап проекта изначально намечалось завершить к 2025 году. Однако жизнь с учетом разразившейся глобальной пандемии COVID-19, а также с поправкой на традиционную амбициозность анонсируемых королевскими властями в прошлом и настоящем грандиозных планов, внесла свои коррективы – реалии из сфер экономики и политики могут, как минимум, серьезно затормозить воплощение в жизнь упомянутых инициатив и планов государства – хранителя святых мест ислама¹⁵.

Южнее, у входа в Красное море со стороны Индийского океана и примерно на полпути между Эритреей и Йеменом расположена цепь вулканических островов Ханиш. В 1995 г. названные страны вступили в трехдневное противоборство за обладание архипелагом. Международный арбитраж в итоге вынес решение в пользу Йемена, но рекомендовал сохранить режим свободного рыболовства, в котором заинтересованы эритрейцы.

Однако главная «шоковая точка» рассматриваемого региона – это пролив Баб-эль-Мандеб, который представляет собой узкий проход из Красного моря в Аденский залив. Здесь остров Перим разделяет пролив на 2 рукава – восточный и западный. Пролив имеет ширину около 18 миль в самом узком месте между Йеменом и Джибути – и большинство транспортных потоков, проходящих через него, пользуются западным рукавом, чья ширина составляет 13 миль¹⁶. Относительно недавно в этих краях беспрепятственно орудовали сомалийские пираты, создавая серьезную угрозу международному судоходству. Кстати, в деятельности многонациональных сил по борьбе с пиратством с 2009 г. принимала участие Турция, и это явилось первым сигналом ее вовлеченности в дела Красноморского региона, ставшего затем одним из важных направлений внешней дипломатической стратегии Анкары.

Местные прибрежные государства Африки и Аравии, многие из которых, казалось бы, не проявили себя активными участниками «политических игр» на международном уровне, в настоящее время получили реальные рычаги влияния на безопасность регионального, а порой и глобального уровня. Фактически это вновь вернуло Африканскому Рогу и южной части Красного моря роль арены соперничества ведущих держав – так, как было когда-то, в период «холодной войны» между Советским Союзом и Соединенными Штатами, отстаивавшими свои позиции в зоне Индийского океана.

¹³ Saudi Vision 2030. Mode of access: <https://www.vision2030.gov.sa>

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Assessing Saudi Vision 2030: A 2020 review / Atlantic Council. Mode of access: <https://www.atlanticcouncil.org>

¹⁶ Parting the Red Sea: Why the Chinese and U.S. Armies Are Fortifying this Tiny African country. Mode of access: <https://www.theglobeandmail.com/world/article-parting-the-red-sea-why-the-chinese-and-us-armies-are-fortifying/>

О важности и актуальности рассматриваемой проблематики говорит и множество аналитических трудов, вышедших на Западе (ссылка содержит несколько подобных работ, причем только за один 2019 год)¹⁷. Результатом усиливающейся здесь конкуренции стало стремление внерегиональных игроков застолбить «точки влияния» – военные базы и опорные пункты. В этом контексте весьма показательным примером является стратегически выгодное расположение государства Джибути (бывшего французского Сомали), на территории которого располагают, в большей или меньшей степени, военной инфраструктурой США, КНР, европейские государства (Франция, Германия, Италия, Испания), а также Япония¹⁸.

В реальной политике морская безопасность нередко оказывается под ударом по причинам, совершенно не связанным с акваториальной ситуацией. Так, между прибрежными государствами могут происходить войны за овладение сухопутными природными ресурсами; еще более распространенное явление – конфликты с этноконфессиональной составляющей. К примеру, этнические арабы-мусульмане зачастую враждуют с другими этноконфессиональными общностями, сунниты противостоят шиитам, умеренные мусульмане сталкиваются с джихадистами. Вследствие этого фактор

контроля (возможно, пока еще не установленного) над узловыми морскими проходами в регионе, где присутствует большое количество национальных и религиозных «идентичностей», а фактор государственной власти откровенно слаб – сам по себе может являться предметом соперничества и даже причиной для вооруженных столкновений.

Особенности политики ведущих государств побережья Красного моря

В регионе Красного моря выделяются три государства, обладающие наиболее весомым (а при этом и разно наполненным) внешнеполитическим ресурсом – это Египет, Израиль и Саудовская Аравия. Вместе с тем, немалые амбиции стали здесь проявлять и другие государства Персидского залива – ОАЭ, Катар, вкладывающие с расчетом на перспективу значительные средства в экономически слабые страны региона. Египет, располагающий крупнейшими (по ближневосточным меркам) вооруженными силами, принято считать одним из центров силы в арабском мире. Общеизвестно, что обладание Суэцким каналом дает Каиру очевидные преимущества в плане безопасности и реализации региональных лидерских амбиций. Для египетской экономики канал давно стал важнейшим из «бюджетонаполняющих» проектов (до 10% от общего объема поступлений твердой валюты; ежегодные поступления составляли более 5 млрд долларов США, а в 2018/2019 финансовом году был достигнут рекордный показатель – около 6 млрд долларов; рост доходности фиксировался на 5,4% больше по сравнению с предыдущим финансовым годом, что эквивалентно 300 млн долларов)¹⁹.

Вместе с тем, экономика Египта была несколько подорвана событиями «арабской весны», следствием чего стала возрастающая зависимость от экономической помощи Саудовской Аравии. Так, в 2017 г. в обмен на экономическую поддержку в размере объемом 25 млрд долларов власти Египта, невзирая на общественные протесты, переуступили королевству права владения

¹⁷ Melvin, Neil. The Foreign Military Presence in the Horn of Africa Region / SIPRI Background Paper, 2019. April. Mode of access: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-05/sipribp1904_2.pdf; Vertin, Zach. Red Sea Rivalries. The Gulf States are Playing a Dangerous Game in the Horn of Africa / Foreign Affairs, 2019. 15 January. Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/east-africa/red-sea-rivalries>; Vertin, Zach. Red Sea Rivalries: the Gulf, the Horn and New Geopolitics of the Red Sea / Brookings Doha Center, 2019. 18 April. Mode of access: <https://www.brookings.edu/events/res-sea-rivalries-the-gulf-the-horn-and-the-new-geopolitics-of-the-red-sea>

¹⁸ Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П.Фитина. М., РИСИ, 2019. С. 7. [Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (The Red Sea and the Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019. P. 7.]

¹⁹ Suez Canal Authority Official Site. Mode of access: <http://www.suezcanal.gov.eg/>

островами Тиран и Санафир, что вызывало неоднозначную реакцию в египетском обществе. Известный дипломат и общественный деятель, экс-руководитель МАГАТЭ М.аль-Барадей в этой связи призывал к «спасению того, что может быть еще спасено в Египте»²⁰. Таким образом, ряд монархий Залива, среди которых КСА, Катар и ОАЭ, стремились воспользоваться финансовыми трудностями и временно возобладавшем в Египте политическим хаосом для приобретения контроля над важнейшими сферами египетской экономики (включая нефтегазовую отрасль, туризм и Суэцкий канал), что привело бы к усилению их влияния в арабомусульманском мире²¹.

Израиль географически соседствует и с Египтом, и с КСА. Общим приоритетом для Израиля и Египта служит борьба с джихадистами, которые, в свою очередь, рассматривают Израиль как страну-оккупанта арабских земель, а Египет из-за его сотрудничества с Израилем считают чуть ли не соучастником этой оккупации. В сложившихся реалиях одним из императивов политики Израиля является обеспечение свободного выхода через Тиранский пролив к Красному морю, и неотъемлемым компонентом этих усилий стало установление хороших рабочих отношений с Каиром.

Что касается взаимодействия Эр-Рияда и Тель-Авива, то, несмотря на исторический антагонизм Саудовской Аравии в отношении Израиля (что, впрочем, медленно, но верно сходит на нет), два крайне несхожих государства близки в своей позиции по Ирану,

поскольку оба исходят из необходимости всемерно противодействовать его влиянию²². Для КСА озабоченность, по крайней мере, в военном отношении, связана с поддержкой иранцами повстанцев-хуситов в соседнем Йемене. Для Израиля непреходящей и актуальной угрозой видится деятельность проиранской «Хизбаллы» в Ливане – государстве, которое граничит с Израилем и на территории которого Израиль уже неоднократно предпринимал военные операции²³.

Будучи крупнейшим мировым экспортером энергоресурсов, Саудовская Аравия жизненно заинтересована в стабильном, свободном, безопасном доступе к морским магистралям. Королевство экспортирует углеводороды в основном через Персидский залив. Однако в Эр-Рияде опасаются вероятности нарушения Ираном свободы движения танкеров и других судов через Ормузский пролив. Таким образом, саудовцам требуется иметь в наличии резервный маршрут водных перевозок через Красное море, дающий доступ как к Средиземноморью через Суэцкий канал, так и к Индийскому океану через Баб-эль-Мандебский пролив. С этой целью в последние годы Эр-Рияд активно расширяет систему трубопроводов и терминалов на своем красноморском побережье, тем самым готовя альтернативный маршрут экспорта энергоресурсов на случай непредсказуемого поворота событий в Персидском заливе²⁴.

²⁰ Аш-Шарк аль-Аусат. 6 апреля 2018. Mode of access: <https://arabic.cnn.com/middle-east/2018/04/06/egypt-elbaradei-good-governance> (на араб.яз.)

²¹ См.: Баргенов В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. No 4. С. 566-582. [Bartenev, V.I. Pomoshch' stran Persidskogo zaliva postrevolyutsionnomu Yegiptu: logika, dinamika, sistemnoye vliyaniye (Aid of the Gulf Countries to Post-Revolutionary Egypt: Logic, Dynamics, Systemic Influence) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2019, Vol. 19, No. 4, pp. 566-582.]

²² Freedman, George. Deep Dive. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/red-sea-alliances-shift-tide>

²³ Sachs, Natan. Israel in the Middle East: The Next Two Decades. Wash. The Brookings Institution, 2020, P. 22. Mode of access https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/11/FP_20201120_israel_me_sachs_huggard-1.pdf; Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 41. Челябинск. 2010. № 18. С. 133-138. [Savicheva, E.M. Rol' i mesto «Hizbally» v livanskom treke blizhnevostochnogo uregulirovaniia (The Role and Place of Hezbollah in the Lebanese Track of the Middle East Settlement) // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Vypusk 41, 2010, No. 18, pp. 133-138.]

²⁴ Саудовская Аравия ввела в строй экспортный терминал мощностью в 3 млн баррелей н.э. в

Однако наращивание Ираном своего влияния в Йемене, по убеждению Эр-Рияда, ставит под угрозу и этот логистический вариант свободного доступа королевства к Аравийскому морю и Индийскому океану. В связи с этим правители КСА озаботились не только воспрепятствованием распространению боевых действий на свою территорию через сухопутную границу с Йеменом, но и обеспечением доступности красноморских морских маршрутов. Саудовцы пытались заручиться поддержкой Египта в йеменской кампании, ожидали участия сухопутных контингентов в обмен на финансовую помощь, но тот лишь обязался ограниченно задействовать военные корабли и самолеты для выполнения патрульных и разведывательных задач в южном секторе красноморской акватории²⁵. Такая позиция, надо полагать, была занята Каиром не без влияния исторической памяти о вмешательстве в гражданскую войну в Йемене в 1962-1970 гг. – решение, стоившее тогда жизни более 26 тыс. египетских военных. Впрочем, Египту не удавалось преуспеть в этих краях и много раньше, в частности, в эпоху завоевательных походов Мухаммеда Али в первой половине XIX в.

Таким образом, израсходованные саудовцами миллиарды долларов на войну в Йемене не приблизили поражение повстанцев-хуситов, а по сути дела, превратили Йемен во «Вьетнам для саудовцев»²⁶. Отсюда складывается впечатление, что нежелание американской администрации Дж. Байдена и других союзников КСА поддерживать далее бессмысленную войну, равно как и ухудшение экономического положения, а также международного имиджа королевства объективно подталкивают Эр-

Рияд к свертыванию йеменской кампании. При этом, как представляется, к изменению саудовского тренда по йеменскому вопросу подвигает не только боевая стойкость хуситов, но и усиление сепаратистов из поддерживаемого Эмиратами «Южного переходного совета» Йемена. Таким образом, риск окончательного распада лишь формально единого йеменского государства все более превращается в реальность, несущую Эр-Рияду очередной стратегический вызов.

Особенности ситуации на западном берегу Красного моря

На контрасте с восточным побережьем Красного моря – на противоположном западном берегу, южнее Египта, расположены африканские страны, не располагающие сильной централизованной системой власти, которые непрерывно перестраивают свои внешнеполитические подходы в погоне за неуловимым оптимумом в части безопасности. Между тем, слабость государственной власти нередко создает ситуации, когда в дела этих стран считают возможным вмешаться соседи по региону либо крупные внерегиональные акторы, преследующие в этом районе коммерческие, а за ними и другие задачи.

Межгосударственные отношения на западном берегу Красного моря отягощены «вечным» вопросом распределения вод реки Нил. Как известно, Египет веками и тысячами годами питался нильскими водами, большая часть которых поступает из Голубого Нила, протянувшегося на север от Эфиопского нагорья до Судана. Там он сливается с Белым Нилом, и далее поток движется в сторону Египта. Практически на 95% Египет зависит от воды, поступающей вниз по течению Нила из Судана и Эфиопии. Постоянный египетско-эфиопский антагонизм периодически обостряется из-за опасений, что Аддис-Абеба может урезать водоснабжение. Её же, в свою очередь, всегда тревожило, что данное обстоятельство может стать причиной вмешательства Каира во внутренние дела Эфиопии с целью ее ослабления.

На нынешнем этапе «водное противостояние» актуализировалось в связи со спо-

сутки. 2018. Mode of access: <http://neftianka.ru/saudovskaya-araviya-vvela-v-stroj-eksportnyj-terminal-moshhnostyu-v-3-mln-barrelej-n-e-v-sutki/>

²⁵ Степень участия Египта: что делают египетские силы во второй войне в Йемене? Эр-Рияд: роль Египта в йеменском кризисе: его границы и перспективы, 2015. Mode of access: <http://www.epc.ae/ar/publication/egypts-role-in-the-yemeni-crisis-limits-and-prospects> (на араб.яз.)

²⁶ Yemen: Saudi Arabia's Vietnam. April 2, 2015. Mode of access: <https://tesfanews.net/yemen-saudi-arabias-vietnam/>

ром о плотине «Возрождение», которую Эфиопия возводит на Голубом Ниле для выработки электроэнергии и регулирования столь важного для данного региона водного ресурса²⁷. Технические эксперты и политики трех государств – Египта, Судана и Эфиопии в течение уже ряда лет ведут напряженную дискуссию, связанную с будущим вводом этого гидротехнического объекта в эксплуатацию (дискутируются, к примеру, такие вопросы, как скорость заполнения плотины, степень угрозы обмеления Нила и ухудшения водоснабжения районов ниже по течению и т. д.)²⁸. Лидеры упомянутых трех стран приходили к договоренностям о сотрудничестве по данной проблематике; но никакая дипломатия не отменяет того факта, что водоснабжение Египта может оказаться в прямой зависимости от воли Аддис-Абебы.

Изменчивые альянсы в регионе

Экспертами активно обсуждаются геостратегические особенности местоположения Судана, возникающие в этой связи узлы противоречий, а также предопределенная теми же особенностями изменчивость альянсов государств в регионе Красного моря²⁹. Как известно, Судан граничит с семью государствами: Египтом, Ливией, Чадом, Центральноафриканской Республикой, Южным Суданом, Эфиопией и Эритреей. Такое непростое окружение создало бы про-

блемы в плане безопасности для любого государства, не говоря уже об этом, со столицей в Хартуме, где существует хронически слабая центральная власть, где постоянно не хватает ресурсов для эффективного решения внутри- и внешнеполитических проблем.

Судан в настоящее время имеет только один портовый город на берегу Красного моря – Порт-Судан, который, кстати, включен в китайский проект в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Суакин, в прошлом еще один город-порт, на настоящий момент не располагает современной инфраструктурой для ведения крупномасштабной торговли.

Заметное внимание в свое время привлек визит президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Судан в декабре 2017 г. После совместного с тогдашним суданским президентом Омаром аль-Баширом посещения о. Суакин на северо-востоке страны Р. Эрдоган выразил сожаление по поводу того, что большая часть этого исторического для Османской Империи острова-порта лежит в руинах. Тогда же по итогам визита было подписано двустороннее соглашение о сотрудничестве и инвестициях. В заявлении турецкой стороны уточнялось, что сделка между Анкарой и Хартумом связана с усилиями Турецкого агентства международного сотрудничества и координации (ТИКА) по реконструкции исторических кварталов, относящихся к Османской эпохе³⁰.

Следует особо отметить, что этот первый визит президента Турции в восточноафриканскую страну был частью гораздо более масштабного политического и экономического замысла, состоящего в расширении связей Турции с континентом. Стремясь превратить остров в крупный центр международного религиозного туризма, ТИКА в январе 2018 г. приступила к реставрационным работам. Наряду с этим, в марте того же года Катар подписал с Суданом соглашение о вы-

²⁷ Shaul, Shay. The «Renaissance Dam» Crisis / Herzliya Conference Papers. April 2018. Mode of access: <https://www.idc.ac.il/en/research/ips/2018/Documents/ShaulShayRenaissance%20DamEN22.4.2018A.pdf>

²⁸ Haitham, Nouri. A New Dawn in Ethiopia // Al Ahran Weekly, Issue 1388. 5-11 April, 2018; What is Going on between Egypt and Sudan? // Al Jazeera, January 11, 2018.

²⁹ Костелянец С.В. Политика Судана в Красноморском регионе // Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П. Фитина. М., РИСИ, 2019. С. 65-76. [Kostelyanets, S.V. Politika Sudana v Krasnomorskom regione (Sudan's Policy in the Red Sea Region) // Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (Red Sea and Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019. Pp. 65-76.]

³⁰ Official Visit of President R. Erdogan to Sudan 24-25 December 2017 / Republic of Turkey Ministry of Culture and Tourism. Turkish Cooperation and Coordination Agency. Mode of access: https://www.tika.gov.tr/en/gallery/official_visit_of_president_recep_tayyip_erdogan_to_sudan_%2824_25_december_2017%29-40451

делении 4 млрд долларов на развитие порта, расположенного в городе. Если принять во внимание факт, что с 2017 г. у Турции имеется военная база в Катаре, то напрашивается обоснованный вывод об укреплении позиций Анкары в целом в Ближневосточном регионе, и в частности – в акватории Персидского залива и Красного моря. Сделка Турции с Хартумом вызвала обеспокоенность новоявленных политических оппонентов Катара – Саудовской Аравии, Египта и ОАЭ, которые обвинили Анкару в стремлении к военной экспансии в Африке, Персидском заливе и на Красном море.

С середины XX века, практически с момента получения независимости, Судан находился в состоянии почти непрерывной гражданской войны, которая иногда вовлекала в свою орбиту соседние государства. Здесь уместно привести характеристику, которую уже цитируемый выше Дж. Фридман дал суданской политике при экс-президенте Омаре аль-Башире. В изложении маститого эксперта, Хартум все время пребывал в поиске не только военной, но и экономической поддержки извне, дабы защитить себя; но на этом пути он пошел еще дальше, «экспортируя» исламистских мятежников в соседние страны – как бы в качестве своей оборонительной стратегии. Однако реакция соседей оказалась явно не к выгоде Хартума: получалось, что окопавшиеся на территории Судана джихадисты – а через них опосредованно и он сам – подрывают их безопасность. К примеру, Египет выражал обеспокоенность деятельностью базировавшихся в Судане радикальных исламистских групп, которые в 1995 г. организовали покушение на тогдашнего президента АРЕ Х. Мубарака во время посещения Эфиопии. Судан также поддерживал исламские повстанческие группировки в Эфиопии и Эритрее³¹. В дальнейшем Хартум вроде бы «нашел взаимопонимание» с Тегераном. Но иранское присутствие на Африканском Роге, навер-

няка, явилось бы крайним раздражителем для Эр-Рияда, равно как и для американцев, анонсировавших «борьбу с распространением джихадизма в Сахеле»³². Чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению иранских интересов на суданском направлении, Эр-Рияд вернул Хартум в сферу своего влияния, предоставив ему значительные инвестиции – до 11 млрд долл. США. По сути, Саудовская Аравия просто заплатила Судану за прекращение отношений с Ираном. По аналогичной схеме – т. е. в обмен на разрыв связей с Ираном – саудиты в 2016 г. предоставили 50 млн. долларов Сомали.

Наглядный пример зарождения, существования и распада в регионе краткосрочных альянсов дают отношения Судана и Эфиопии. Страны нашли общий язык после того, как Южный Судан объявил независимость в 2011 г., а затем погряз во внутренних распрях в связи со спорами за обладание нефтяными ресурсами. Эфиопия была встревожена распространением конфликтов по периметру своих границ, а также проблемой беженцев. В попытке давления на Эфиопию Южный Судан установил более тесные связи с Египтом, ее оппонентом на тот момент. Хартум отреагировал на это, расширив контакты с Аддис-Абебой, которая в настоящее время полагается на Судан в поставках энергоресурсов. Что же касается Египта, то его в этой сложной «многоходовке» беспокоило не только эфиопско-суданское сближение, но и тот факт, что на территории этих стран находили пристанище оппозиционные повстанческие группировки, а также вероятность обострения «нильской проблемы».

Отдельно коснемся динамики развития отношений Эфиопии и Эритреи. До 1993 г. вторая из названных стран пока еще была частью первой, что давало Эфиопии прямой выход к Красному морю и делало ее заметным игроком в «большой игре» между США и СССР. В период 1993-1998 гг. Эритрея еще позволяла Эфиопии иметь свободный доступ к Красному морю, однако разногласия по поводу пограничной территории спрово-

³¹ Freedman, George. Deep Dive. Mode of access: <https://geopoliticalfutures.com/red-sea-alliances-shift-tide>; <https://www.facebook.com/GeorgeFriedmanGPF/posts/deep-divethe-red-sea-is-an-immensely-valuable-region-but-it-is-also-quite-volatile/1900985183545883/>

³² Cherbib, Hamza. Jihadism in the Sahel: Exploiting Local Disorders. Mode of access: <https://www.iemed.org/actualitat-en/noticies/sahel-territori-jihadista>

воцировали кровопролитную двухлетнюю войну. Лишившись в итоге коридора, выходящего на побережье, Эфиопия стала почти полностью зависеть в этом важном вопросе от Джибути.

Внешние державы также стали участниками процесса реформирования альянсов на Африканском Роге. Немалую роль в развитии ситуации в Эфиопии сыграл, в частности, Израиль. До отделения Эритреи он рассматривал Эфиопию в качестве регионального противовеса арабским государствам – ведь она, как и Израиль, находилась в арабском окружении. Даже после того, как в 1974 г. в Эфиопии было покончено с монархией и установился просоветский режим, по определению не испытывавший симпатий к США, бессменному покровителю Израиля – последний продолжал поддерживать Эфиопию, даже в условиях «заморозки» с нею дипломатических отношений.

Зато позднее, в 1998-2000 гг., Эритрея и Эфиопия вступили в войну между собой. Израиль стал оказывать помощь эритрейцам. Мотивация такого поворота была связана с заинтересованностью израильтян в сохранении доступа к Баб-эль-Мандебу, который расположен слишком далеко от еврейского государства, чтобы оно могло обходиться здесь без посредников. Учитывая недавно полученный Израилем доступ к территории Эритреи, можно было констатировать, что этот ближневосточный игрок не просто имеет на красноморском побережье свои интересы, но и достаточно эффективно их реализует – а интересы эти заключаются в том, чтобы сохранять здесь свое устойчивое влияние.

В свое время Африканский Рог оказался втянут в противостояние времен «холодной войны». До 1974 г. США поддерживали Эфиопию, а Советский Союз помогал Сомали, Египту и Южному Йемену – соперникам Эфиопии на тот момент. Утрата тогда Москвой партнерских отношений с Каиром стала ощутимым ударом также и по советским позициям на Красном море. Впрочем, это отчасти компенсировалось связями Москвы с сомалийским режимом Мохамеда Сиада Барре, провозгласившего курс на строительство «социализма с исламской спецификой».

По мере развития ситуации многие региональные альянсы разваливались и формировались заново. Сомали, еще не впадшее тогда в нынешнее удручающее состояние децентрализованного государства, даже начало вторжение в Эфиопию в 1977 г., развязав конфликт в провинции Огаден. Судан же на том этапе поддерживал отряды «освобождения Эритреи», воевавшие против Эфиопии – хотя позднее, уже после обретения Эритреей независимости, он станет ее противником. В отместку Эфиопия регулярно поддерживала христианскую повстанческую группировку «Народная армия освобождения Судана» (НОАС) в южном регионе этой страны.

Современное положение на Африканском Роге во многом вызрело на почве исторических особенностей колониального периода. Ареал Рога еще с XIX века сделался чем-то вроде лаборатории, где проводились «эксперименты» по перечерчиванию пограничных линий со всеми вытекающими отсюда последствиями. И сейчас этот регион продолжает служить горнилом геополитических инноваций – он выделяется как редкий регион, границы которого были изменены при последнем поколении.

Взаимно сопряженные проблемы национализма и самоопределения играют здесь особую роль. Поскольку процессы отделения и перекройки границ являются, по всей видимости, незавершенными, нарративы, концепции и нормы, касающиеся национального самоопределения, сохраняют свою актуальность. Политические движения и общественные круги в странах Африканского Рога по-своему интерпретируют политическую идею, теорию и закон самоопределения, что демонстрирует их непоследовательность, случайность и подчиненность политическим обстоятельствам³³.

Особенности политики «ближних» региональных держав – Турции и Ирана

Свобода доступа к пролегающим по Красному морю важным торговым марш-

³³ De Waal, Alex, Nouwen, Sarah M.H. The Necessary Indeterminacy of Self Determination: Politics, law and conflict in the Horn of Africa / Nations and Nationalism, December 2020, Volume 27, Issue 1, pp. 41-60.

ругам, а также их уязвимость делают рассматриваемый ареал критически важным не только для собственно прибрежных государств, но и для ближне- и средневосточных держав в лице Ирана и Турции. В свою очередь, слабость большинства красноморских стран облегчает вмешательство внешних игроков. Хотя Судан выступал в поддержку Ирака во время ирано-иракской войны 1980-1988 гг., это не помешало ирано-суданскому сближению после военного переворота 1989 г. в Хартуме, когда к власти пришел авторитарный правитель Омар аль-Башир, находившийся у власти до весны 2019 г.

Иран получил разрешение использовать Порт-Судан в обмен на военную и экономическую поддержку. Согласно западным источникам, Иран, заполучив союзника на Африканском Роге, контрабандой доставлял в Судан оружие, которое затем переправлялось через Египет боевикам ХАМАС в Газе. Оружейный трафик шел и по другим маршрутам: Иран контрабандой вывозил российские ракеты класса «земля-воздух» из Ливии в Судан для их тиражирования, а также для развития собственной военной промышленности³⁴.

Кроме того, по убеждению западных экспертов, Тегеран готовит для главного регионального конкурента – Саудовской Аравии препятствия в использовании Красного моря как резервного маршрута транспортировки углеводородов³⁵. Утверждается, будто именно из этих соображений Иран поддержал хуситов в Йемене, в лице которых королевство видит серьезную угрозу с юга. Таким образом, ирано-саудовская конфронтация развивается как на суше, так и на море.

Интересы Турции в Красном море связываются в основном с двумя сферами: торговля и безопасность. Военная база в сом-

лийском Могадिशю плюс еще одна, новая, на острове Суакин в Судане (пока на стадии конструирования) в перспективе дают Анкаре шанс на реальное присутствие по обе стороны Суэцкого канала.

Свержение О.аль-Башира ознаменовало начало более многообещающей эпохи для Судана. Вскоре страна приобрела новых международных и региональных друзей, к которым западные политологи равно относят США, Израиль и Россию. К ним же причислены ОАЭ, которые вместе с Саудовской Аравией поддержали новый режим в Хартуме, предоставив ему 3 млрд долларов в 2019 году³⁶.

Партнеры Судана всегда понимали ценность страны с такими ресурсами, как углеводороды, золото, серебро, хромит, цинк, железо и многое другое. Например, Эмираты за последнее десятилетие импортировали суданское золото (наряду с ганским) на миллиарды долларов. Эта тенденция сохранилась и после переворота 2019 г., поскольку ОАЭ наладили связи с генералом Мохаммедом Хамданом Дагалю, вице-президентом Переходного совета, взявшим бразды правления сразу после отстранения О. аль-Башира. В итоге экспорт золота в ОАЭ в том же 2019 г. был доведен до уровня 16 млрд долл.³⁷

Между тем, «старые друзья» Судана – Катар и Турция (они же на этот момент – соперники Египта и большинства государств ССАГПЗ) оказались в стороне³⁸. Тем не менее, укрепление Турции в качестве ближневосточной региональной державы продолжает подвигать ее на то, чтобы примериться к возможности контролировать те районы, которые когда-то находились под владычеством султана – таким способом Анкара надеется нарастить «стратегическую глубину»

³⁴ Lockie, Alex. Iran Built Copies of a Soviet-era Nuclear-Capable Missile without Violating the Nuclear Deal. Feb. 5, 2019. Mode of access: <https://www.businessinsider.com/irans-hoveizeh-and-soumar-missiles-copy-soviet-nuclear-capable-kh-55-2019-2>

³⁵ Why Saudi Arabia and Iran are bitter rivals // BBC News. 16 September 2019. Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-42008809>

³⁶ The Great Game of the UAE and Saudi Arabia in Sudan / Wash. The Project on Middle East Political Science (POMEPS) 2020. Mode of access: <https://pomeps.org/the-great-game-of-the-uae-and-saudi-arabia-in-sudan>

³⁷ Why Sudan Matters / Diwan, a blog from the Carnegie Endowment for International Peace's Middle East Program and the Malcolm H. Kerr Carnegie Middle East Center. January 29, 2021. Mode of access: <https://carnegie-mec.org/diwan/83755>

³⁸ Ibid.

своего международного влияния. Следуя этой логике, расположение Турции на логистическом «перекрестке» Востока и Запада предоставит ей шанс занять стратегические позиции, пусть формально и хотя бы отчасти подобные тем, что веками удерживала Османская Порта вдоль побережья Аравийского полуострова. Впрочем, подобная перспектива вызывает обеспокоенность в столицах прибрежных государствах, например, в Каире, памятуя о том, что османы исторически доминировали в Восточном Средиземноморье, на несколько веков подчинив Египет и превратив его в часть своей империи.

Саудовская Аравия разделяет тревогу Турции по поводу Ирана (или даже превосходит ее по уровню данных опасений), но одновременно обеспокоена и тем, что расширение турецкого присутствия может поставить под угрозу главенствующую позицию Эр-Рияда в суннитском мире. Саудовцы также могут, вслед за египтянами, вспомнить о былых временах, когда Османская империя, будучи еще и мусульманским халифатом, контролировала прибрежные районы Аравийского полуострова, включая священные места ислама³⁹.

Режим Судана, со своей стороны, был бы рад получать поддержку как от Саудовской Аравии (предоставившей ему крупное финансирование в обмен на прекращение отношений с Ираном), так и от Турции, еще одной растущей суннитской державы. После десятилетий существования в условиях жесткого авторитаризма Судан вступил в период нестабильности. Новые правители страны ощутили влияние многих региональных держав и внутренних групп в очень фрагментированной политической среде. Хартуму будет сложно рассчитывать на стабильность без поддержки внешних сил.

Новые аспекты политики «дальних» держав в Красноморье: США и Китай

Учитывая зависимость КНР от импорта различных видов сырьевых ресурсов, необходимых для поддержания темпов экономического роста и развития, Пекин крайне заинтересован в поддержании безопасности

коммерческого мореплавания и китайского экспорта товаров в рассматриваемом ареале. Во многом с этими соображениями макроэкономического плана, как считают эксперты, связан факт недавнего открытия Китаем первой зарубежной военной базы именно в Джибути – государстве, которое при всех стратегических преимуществах своего положения, считается, тем не менее, самым слабым в регионе. Пекин инвестировал более 421 млн долларов в расширение портовых и аэродромных сооружений в Джибути и связанной инфраструктуры для снижения рисков морских перевозок⁴⁰. Китай в последнее годы стремится значительно расширить свое присутствие на Африканском Роге в целях расширения и защиты торгово-экономической деятельности в Африке и на Ближнем Востоке (в контексте своей известной стратегической инициативы «Один пояс, один путь»).

Производимое китайцами активное обустройство различных элементов инфраструктуры в Джибути (новый многопрофильный порт, модернизированное железнодорожное сообщение с Аддис-Абебой, две зоны свободной торговли и т.д.) надежно опирается на открытую здесь же в 2017 г. первую в истории КНР зарубежную военноморскую базу. По поводу растущего авторитета Китая в Джибути скептики добавляют «ложку дегтя», указывая на коррупцию в коммерческом секторе и разжигая опасения насчет применения здесь в дальнейшем китайцами жесткой «дипломатии долга».

Несмотря на последовательное погружение Китая в сферы экономики и безопасности, на его шаги по защите своих государственных интересов в Красном море, Персидском заливе и на Африканском Роге, а также по укреплению отношений с местными правительствами на обоих берегах – в Пекине продолжают хранить молчание насчет гипотетических многосторонних форматов сотрудничества в регионе.

⁴⁰ Chinese Engagement in Djibouti's Economic Transformation in a Nutshell // Xinhua. 2020-01-10. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2020-01/10/c_138694414.htm#:~:text=The%20port%2C%20which%20was%20built,time%20the%20port%20was%20inaugurated

³⁹ Ibid.

По-видимому, китайцы видят смысл в развитии отношений с местными партнерами исключительно в двустороннем формате.

С новой китайской базой соседствует американская, расположенная в Кэмп Лемонье, откуда США могут контролировать и проводить антитеррористические операции⁴¹. В Вашингтоне, как и в Пекине, признают важнейшую роль Красного моря в международной торговле. Вашингтон преследует цель сохранения морских путей свободными и открытыми через стратегию альянсов с местными государствами. После того, как при президенте А. Садате Египет переориентировался на Запад, Вашингтон существенно увеличил этому государству военную помощь, дабы гарантировать здесь американские интересы⁴².

Обилие разнонаправленных силовых векторов, взаимно конкурирующих интересов и, вместе с тем, отсутствие национальных и международных институтов, которые бы способствовали региональному сотрудничеству – всё это делает регион Красного моря тем местом, где прослеживается тенденция усиления конфликтного потенциала, а возникающие альянсы сугубо ситуативны, нестабильны и переменчивы. То обстоятельство, что через этот регион проходит значительная часть мировой торговли, только повышает градус напряженности и привлекает внешние державы, стремящиеся утвердить здесь свои позиции.

⁴¹ Parting the Red Sea: Why the Chinese and U.S. Armies Are Fortifying this Tiny African country. Mode of access: <https://www.theglobeandmail.com/world/article-parting-the-red-sea-why-the-chinese-and-us-armies-are-fortifying/>

⁴² The Red Sea: A Magnet for Outside Powers Vying for Its Control // The Africa Report 27 November 2020. Mode of access: <https://www.theafricareport.com/52152/the-red-sea-a-magnet-for-outside-powers-vying-for-its-control/>; Александров С., Савичева Е. Глядя из Каира: отношения АРЕ и США (по материалам египетских СМИ) // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 10-17. [Aleksandrov, S.; Savicheva, E. Gliadiā iz Kaira: otnosheniā ARE i SSHA (po materialam egipetskikh SMI) (Looking from Cairo: Relations of the Arab Republic of Egypt and the USA (based on the Egyptian Media) // *Aziia i Afrika segodnia*, 2018, No. 7, pp. 10-17.]

Заключение

Политические процессы, наблюдаемые в регионе Красного моря и Африканского Рога, сочетают в себе элементы прежних исторических схем и современных геополитических моделей, в которых безопасность и коммерческие интересы мировых и региональных держав, безусловно, доминируют над несоизмеримыми по масштабам интересами слабых местных государств и населяющих их народов.

На этой обширной арене, вмещающей в себя сушу и водные просторы, уже развернулась острая конкуренция за право курировать безопасность мировой морской торговли. Но по сути дела, интересы всех вовлеченных легальных игроков (пираты, террористы и экстремисты не в счёт) объективно сводятся к одному главному – сохранению свободы навигации, поэтому любые противоречия вряд ли реально перерастут в серьезный вооруженный конфликт, который закроет морские пути.

Все участвующие в региональных процессах международные акторы, скорее всего, будут и далее сотрудничать в пресечении пиратства и устранении прочих угроз для международного судоходства, учитывая, что на кону главная ставка – многомиллиардная стоимость доставляемых по воде углеводородных ресурсов и другой товарной продукции. Однако относительное спокойствие за судьбу морского судоходства периодически прерывается конфликтами и иными беспорядками по обе стороны от Красного моря. Все вовлеченные игроки, как глобальные, так и региональные, исходят из того, что присутствие в Красном море повышает их вес, поэтому за влияние на страны Африканского Рога идет борьба.

На данном этапе регион оказался как бы на линии разлома между двумя противоречащими друг другу политическими концептами и практиками обеспечения мира и безопасности. Речь идет о том, что многосторонние нормы, принципы и институты, применяемые в Африке в последние десятилетия, вступают во все более острое противоречие с проводимой монархиями Персидского залива транзакционной политикой вливания денежных средств и проецирования силы.

За последние годы старые и новоявленные игроки, в том числе и с Ближнего и

Среднего Востока, неоднократно приобщались к противоборствам в Северо-Восточной Африке. Так, КСА и ОАЭ задействовали свои финансовые ресурсы для достижения мирного соглашения между Эритреей и Эфиопией. Далее, нынешняя аравийская коалиция во главе с КСА (плюс Египет) и блок Турция-Катар выступают конкурентами в борьбе за влияние на структуры переменчивой политической власти в странах региона. Современные практики участия ближневосточных игроков в развитии ситуации на Африканском Роге выглядят как непреходящий парадокс, в соответствии с которым мировые державы в интересах обеспечения свободы и безопасности судоходства в Красном море / Аденском заливе согласны снисходительно наблюдать за периодически возникающими беспорядками в прибрежных странах.

Можно с долей уверенности предсказать, что состоятельные аравийские (и некоторые другие) акторы будут использовать свои возможности проецирования силы и власти, сочетая экономические соображения и интересы безопасности, чтобы «наносить со своей палитры краски на полотно» Африканского Рога.

США, как следует из их деклараций, якобы сориентированы на уход из региона. Так может показаться на поверхностный взгляд – но ведь неслучайно североамериканские теоретики сформулировали концепт, по которому основным ресурсом доминирования являются «региональные и глобальные балансы без узурпации внутреннего суверенитета», в рамках которых есть возможность «создавать ситуации, когда другие страны хотят делать то, что в интересах США»⁴³.

Европейский союз, в свою очередь, демонстрирует глубокую обеспокоенность происходящим в регионе Красного моря, однако не в состоянии оказать на события и процессы какое-либо существенное влияние. Тем временем серьезным фактором силы сделался Китай – но это при той оговорке, что за пределами задач по обеспечению безопасности мореплавания у Пекина

пока не просматривается сколько-нибудь внятной стратегии на Красном море.

В регион могут вновь потянуться и некоторые старинные игроки, как это получилось у Анкары. Появляются и новые амбициозные участники большой игры – такие, как Катар, ОАЭ. При этом общая тенденция заключается в расширении политической доминанты, за которой стоят интересы аравийских монархий Персидского залива. Состоятельные «заливные» режимы все отчетливее осознают, что регион Красного моря открывает для них широкие возможности в части развития и интеграции. Но есть тут и другая сторона медали – а именно, сопутствующие риски. Другими словами, по мере распространения влияния на Африканский Рог акторы из указанной группы (а это касается не только их одних) рискуют привнести добавочную дозу арабо-ближневосточного соперничества в регион, где и без того хватает собственного «взрывчатого» потенциала. Попытки внесения интересантами координирующего начала (например, озвученная в феврале 2019 г., а затем и в январе 2020 г. идея создания Совета арабских и африканских государств, граничащих с Красным морем и Аденским заливом) пока не идут дальше «вербализации идей».

Разумеется, следует также иметь в виду, что региональные события происходят вовсе не в отрыве от глобального контекста, а напротив – разворачиваются на общемировом фоне, характеризуемом отчетливым усилением роли фактора силы в международных отношениях и внешнеэкономической сфере.

В заключение обратимся к нашумевшему эпизоду, произошедшему в конце марта 2021 г., когда контейнеровоз перекрыл и заблокировал почти на неделю судоходный маршрут по Суэцкому каналу и Красному морю. Касаясь весомого экономического ущерба в плане логистики и финансовых потерь, случившихся из-за этого локального и сугубо технического происшествия, можно предвидеть реакцию акторов, имеющих свои амбиции и цели в Восточном Средиземноморье Красном море и Индийском океане. Опуская скороспелые рассуждения о модальностях тотального переориентирования воднотранспортных потоков (вокруг Африки, по Северному Ледовитому пути и т.д.), ограничимся суждением

⁴³ Metz, Steven. How to Tell if America will Remain a Global Superpower. 2014. Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/13741/how-to-tell-if-america-will-remain-a-global-superpower>

о том, что единичный форсмажор с грузовым судном отчетливо высветил геополитическую значимость рассматриваемого региона и актуализировал задачу обретения контроля над зоной Красного моря.

Литература:

Александров С., Савичева Е. Глядя из Каира: отношения АРЕ и США (по материалам египетских СМИ) // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 10-17.

Бартенев В.И. Помощь стран Персидского залива постреволюционному Египту: логика, динамика, системное влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 4. С. 566-582.

Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 30-58.

Каримова А.Б. Индо-тихоокеанский постатлантизм // Сравнительная политика. 2019. Т.10. № 2.

Костелянец С.В. Политика Судана в Красноморском регионе // Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П. Фитина. М., РИСИ, 2019. С. 65-76.

Красное море и Аденский залив: борьба за доминирование. Материалы конференции / под ред. В.П.Фитина. М., РИСИ, 2019.

Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660-1783 (перевод с англ.яз.). М., 2002.

Савичева Е.М. Роль и место «Хизбаллы» в ливанском треке ближневосточного урегулирования // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 41. Челябинск. 2010. № 18. С. 133-138.

Савичева Е.М., Турекулова Ж.Е. Роль Суэцкого канала в контексте обеспечения региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. 2014. № 2. С. 75-84.

Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.

De Waal, Alex, Nouwen, Sarah M.H. The Necessary Indeterminacy of Self Determination: Politics, law and conflict in the Horn of Africa / Nations and Nationalism, December 2020, Volume 27, Issue 1, pp. 41-60.

Jones, B. To Rule the Waves: How Control of the World's Oceans Determines the Fate of the Superpower. N. Y.-L., Scribner, 2021.

Kaplan, R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y., Random House, 2010.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal, 1904, No. 4 (April), Vol. XXIII, pp. 421-437.

Mattheis, Frank; Raineri, Luca; Russo, Alessandra. Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Palgrave Macmillan, 2019.

Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center Analysis Paper Number 27, November 2019.

References:

Aleksandrov, S.; Savicheva, E. Gliādīa iz Kaira: otnosheniia ARE i SSHA (po materialam egipetskikh SMI) (Looking from Cairo: Relations of the Arab Republic of

Egypt and the USA (based on the Egyptian Media) // Aziia i Afrika segodnia, 2018, No. 7, pp. 10-17.

Bartenev, V.I. Pomoshch' stran Persidskogo zaliva postrevolyutsionnomu Yegiptu: logika, dinamika, sistemnoye vliyaniye (Aid of the Gulf Countries to Post-Revolutionary Egypt: Logic, Dynamics, Systemic Influence) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2019, Vol. 19, No. 4, pp. 566-582.

De Waal, Alex, Nouwen, Sarah M.H. The Necessary Indeterminacy of Self Determination: Politics, law and conflict in the Horn of Africa / Nations and Nationalism, December 2020, Volume 27, Issue 1, pp. 41-60.

Haushofer, K. O geopolitike: Raboty raznykh let (On Geopolitics: Works of Different Years). Moscow: Thought, 2001.

Jones, B. To Rule the Waves: How Control of the World's Oceans Determines the Fate of the Superpower. N. Y.-L., Scribner, 2021.

Kaplan, R.D. Monsoon. The Indian Ocean and the Future of American Power. N.Y., Random House, 2010.

Karimova, A.B. Indo-tikhookeanskiy postatlantizm (Indo-Pacific Post-Atlanticism) // Comparative Politics Russia, 2019, No. 2.

Kostelyanets, S.V. Politika Sudana v Krasnomorskom regione (Sudan's Policy in the Red Sea Region) // Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (Red Sea and Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019. Pp. 65-76.

Krasnoye more i Adenskiy zaliv: bor'ba za dominirovaniye (The Red Sea and the Gulf of Aden: Struggle for Dominance). Conference materials / ed. by V.P. Fitin. Moscow, RISS, 2019.

Mackinder, H.J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal, 1904, No. 4 (April), Vol. XXIII, pp. 421-437.

Mahan, A.T. Vliyaniye morskoy sily na istoriyu, 1660-1783 (The Influence of Sea Power on History, 1660-1783) (translated from English). Moscow, 2002.

Mattheis, Frank; Raineri, Luca; Russo, Alessandra. Fringe Regionalism. When Peripheries Become Regions. Palgrave Macmillan, 2019.

Savicheva, E.M. Rol' i mesto «Hizbally» v livanskom treke blizhnvestochnogo uregulirovaniia (The Role and Place of Hezbollah in the Lebanese Track of the Middle East Settlement) // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia. Vypusk 41, 2010, No. 18, pp. 133-138.

Savicheva, E.M.; Turekulova, Zh.E.; Rol' Suetskogo kanala v kontekste obespecheniia regional'noi bezopasnosti na Blizhnem Vostoke (The Role of the Suez Canal in the Context of Regional Security in the Middle East) // Vestnik RUDN. Seriya: mezhdunarodnye otnosheniia, 2014, No. 2, pp. 75-84.

Vertin, Z. Toward a Red Sea Forum: The Gulf, the Horn of Africa, & Architecture for a New Regional Order / Brookings Doha Center Analysis Paper Number 27, November 2019.

Voskressenski, A.D. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh podsystem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsiy v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh (Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Modern International Relations) // Comparative Politics Russia, 2012, No. 3, pp. 30-58.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

CLASH OF INTERESTS AND GEOPOLITICAL RIVALRY IN THE RED SEA REGION

Sergey A. Ivanov

*Russian Institute for Strategic Studies,
Moscow, Russia*

Elena M. Savicheva

*Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

Valery P. Titov

*Free-lance researcher
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 22.09.2020 <i>Sent for editing:</i> 22.03.2021 <i>Accepted:</i> 15.05.2021	Abstract:The Red Sea and the Aden Gulf area, where from time immemorial ancient sailors paved trade routes, and the North-East Africa (the Horn of Africa) are rapidly turning into an important strategic region. It's about ensuring free access to the Red Sea and, therefore, to the Suez Canal, that significantly reduces the delivery time and cost of goods, including energy resources. It facilitates and cheapens the trade between Europe and Asia. However, such a strategically important region is extremely unstable and turbulent. Navigation here is carried out, including along several narrow straits, which have been named as “suffocating” and “shock points” of modern geopolitics. We note a trend towards increasing competition in this once “sleepy” region. Arab countries such as Egypt, Saudi Arabia, the UAE are striving to secure their interests here in competition with other Middle Eastern “heavyweights” – Turkey and Iran. Qatar has recently joined the above non-Arab actors. The accelerated dynamics of events leads to changes in the balance of power, which affects politics of non-regional actors – China, the United States and others. This article aims to comprehend the prevailing political realities in the area under consideration, to identify the military-political and trade-economic factors that determine the geostrategic importance of the Red Sea and adjacent territories, to determine the features of relations between the countries of the region, as well as their interaction with non-regional players. <i>Acknowledgements: The research was funded by RFBR according to the research project number 20-014-00039 «Models and Risks of Cooperation in the Middle East Region in the First Quarter of the XXI Century»</i>
About the authors: <i>Sergey A. Ivanov</i>, Candidate of History, Leading Researcher, Russian Institute for Strategic Studies (RISS) e-mail: sergey.ivanov@riss.ru <i>Elena M. Savicheva</i>, Candidate of History, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia e-mail: savicheva@mail.ru <i>Valery P. Titov</i>, Free-lance researcher e-mail: titovvp@mail.ru	
Key words: Red Sea; Suez Canal; Horn of Africa; geopolitical interests; rivalry; conflicts; security	

Для цитирования: Иванов С.А., Савичева Е.М., Титов В.П. Столкновение интересов и геополитическое соперничество в регионе Красного моря // *Сравнительная политика*. 2021. № 1. С. 94-110.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022

For citation: Ivanov, Sergey A.; Savicheva, Elena M.; Titov, Valery P. Stolknoveniye interesov i geopoliticheskoye sopernichestvo v krasnomorskom regione (Clash of Interests and Geopolitical Rivalry in the Red Sea Region) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 1, pp. 94-110.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10022